

Станислав Букаткин

СВОЯ

Война

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Станислав Букаткин

СВОя Война

«Автор»

2023

Букаткин С.

СВОя Война / С. Букаткин — «Автор», 2023

Наверное, у каждого писателя есть произведение, в котором война проходит сквозной темой. Особенно интересны и пронзительны опубликованные воспоминания непосредственных участников боевых действий. Макс Шутилов пришел в армию после окончания военного училища. Приобретя опыт бойца спецназа в Сирии и Таджикистане, он становится участником СВО, а затем в составе ЧВК отправляется в Африку. Там, в пустыне, парень вспоминает поразительные события, произошедшие в феврале — мае 2022 года на территории России и сопредельной Украины, описывает вызванные ими чувства и эмоции — страх, отчаяние, гнев, ненависть. Он вел тогда и ведет сейчас свою войну — со своей совестью. Верить или не верить этим историям, поддержать ли Макса в его нравственной борьбе — выбор читателя...

© Букаткин С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие	6
Кадры решают всё	7
Знакомство	11
Четыре месяца без боевых действий	15
Холодная точка	15
Зайчик	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Станислав Букаткин

СВОя Война

КОМАНДИРУ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

ИНСТРУКТАЖ

Мы, нижеподписавшиеся, тем самым подтверждаем, что прошли инструктаж по требованиям безопасности при обращении с данной книгой. Мы ясно представляем себе, что края бумаги остры и могут представлять для нас опасность, а также упав на ногу, даже с небольшой высоты, книга своим весом может причинить вред. За ущерб, который может нанести её содержание, мы не переживаем, ведь нас хорошо обучали в воинских частях, мы всегда получали все положенные выплаты, и к нам всегда были справедливы. Нам никогда не приходилось скидываться с зарплаты в ротную кассу, мы не покупали себе экипировку и инструменты, нам всё всегда выдавали. Мы любим смотры и всегда соблюдали регламент служебного времени. В боевой обстановке наши старшие начальники всегда принимали верные решения, связь всегда работала отлично, а артиллерия попадала точно в цель с первого раза. Поэтому какие бы выдумки мы ни встретили на страницах этой книги, мы им не поверим.

	Звание	Фамилия	Л/Н	Дата	Подпись инструктируемого	Подпись инструктирующего

«__» _____ Г

Дата

_____
Командир подразделения

Предисловие

Эта книга состоит из разбросанных вне хронологического порядка флешбэков – о тех событиях, которые происходили со мной и моими товарищами в феврале – мае 2022 года. Воспоминания эти посещали меня во время командировки на африканский континент в составе Частной Военной Компании, в которой я начал работу после завершения контракта с Министерством обороны. Я не претендую на правдоподобность. Не призываю к каким-либо действиям. Книга не может быть использована как учебное пособие. Она – извлечённые из памяти человека события, воспринятые им когда-то.

Настоящие ветераны, прошедшие через горнило войны гораздо дальше, чем я, те, что выживут, ещё напишут свои книги. Я лишь хочу сохранить свои воспоминания такими, какие они есть, не подвергнутыми коррективам, связанным с личными потрясениями и дальнейшими событиями. Думаю, что самые ценные исторические очерки должны писать непосредственные участники произошедшего и по горячим следам, чтобы потом, когда всё закончится, политики и другие заинтересованные лица не выставили всё под нужным для себя углом. Я очень переживаю, что, когда мы победим, а мы обязательно победим, радость победы заретуширует ошибки, которые были допущены, и история многих трагедий, которых можно было избежать, повторится вновь. Поэтому я надеюсь, что «СВОя Война» внесёт свой вклад в борьбу с романтическими представлениями о войне и с негодьями, которые бесчинствовали по глупости или ради очередных погон.

Спешащим объявить меня дискредитатором вооружённых сил скажу прямо: воры, убийцы и умалишённые дискредитируют себя своими поступками сами! Я лишь перенёс свои воспоминания выдумки на бумагу. Спешащим объявить меня трусом, предателем или нытиком! Сидящие сейчас на передовой в первой линии окопов имеют на это полное право, мнение остальных меня не интересует. Мужество не выдаётся в равной мере всем вместе с членом и яйцами при рождении. Истинное мужество – это ежедневный личный выбор, предмет длительного специального воспитания и работы над собой. Этой книгой я стремился заполнить в себе те пробелы, которые, очевидно, у меня существуют, – чтобы вернуться на путь мужества и продолжить борьбу.

К концу моих письменных рассуждений я твёрдо решил, что теперь вернусь на фронт, мне больше нечего бояться преследования каких-либо силовых ведомств, поэтому я обещаю не восхвалять и не принижать никого из участников моего повествования. Напишу так, как я это запомнил. Тем более что всё это вымысел и плод моего воображения, а любые совпадения случайны. Я также выражаю благодарность оркестру, который принял таких потеряшек, как я, дал нам возможность перевести дух, вернуть себе уверенность, чтобы с новыми силами продолжить борьбу с врагами нашей великой Родины. Если мне удастся выручить какие-то деньги от продажи этой книги, я направлю их на изготовление носилок для раненых.

Кадры решают всё

Августовская поволжская жара поднимала температуру под парадной формой до некомфортных значений, а добавляющееся к этому волнение усиливало количество капель пота, стекающих вдоль позвоночника вниз, к известному месту. Дверь КПП отворил солдат среднего роста в начищенных берцах, вооружённый штык-ножом, висящим на ремне «кольцом к яйцу».

– Пройдите к дежурному.

Проследовав через решётчатую клетку к турникету и преодолев его, я оказался в небольшом узком помещении. В конце него за стеклом сидел прапорщик лет сорока и заполнял один из четырёх журналов. Я покорно ждал, несмотря на нескрываемое волнение и жар, когда он закончит, и не торопил его. Заводить врагов в первый же день службы на новом месте было совсем ни к чему. Наконец он поднял глаза.

– Хр-так, ага-хр, здорова-хр, – пока он произносил эти несколько слов, он трижды хрюкнул в нос. Как я узнал позже, это ежесекундное шмыганье было его отличительной чертой. Над ним подшучивали из-за этого, но зато знали его абсолютно все, и все с ним общались.

– Здравия желаю! Прапорщик Шутилов прибыл для дальнейшего прохождения службы!

– Понял, понял, хр... Тебя зовут-то как?

– Максим...

– А меня Серёга, хр... Ты в какой батальон назначен?

– Я... эм... вот предписание... вот цифры, я не знаю, это какой.

– А, дак это мой! Хр... Смотри, сейчас я тебя провожу к комбату нашему, представишься ему, а потом пойдёшь в штаб бригады и представишься начальнику отдела кадров-хр...

– Мне сказали сначала представиться начальнику кадров...

– Можно и так, только потом служить будешь хер знает где, а не у нас. Просто сделай, как я говорю!

Не знаю, почему он вызвал такое доверие? Связано ли это с его речевым дефектом или видом зрелого мужчины, но этот прапор не казался обманщиком и доходягой – такой образ сформировали 90-е годы. Хотя что я знаю о том времени? Знаю только по фильмам да рассказам. На дворе 2017 год, а мне всего двадцать один, и из этого следует, что в 90-е я ещё под стол пешком ходил. Прапорщик указывал мне дорогу к кабинету комбата, попутно проводя экскурсию по бригаде.

– Так, здесь мы строимся, здесь тоже, и тут. А вот тут стрижем газон летом и убираем снег зимой.

– А где места для занятий тактикой?

– Да-а-а... тяжело тебе будет... Я десять лет тут служу, пока такого места не нашёл. В основном сами себе такие места придумываем, когда не занимаемся какой-нибудь хернёй.

– И часто приходится «придумывать»?

– Мне пока не приходилось...

К этому моменту мы уже прошли по длинным извилистым коридорам и остановились у двери с табличкой «Подполковник Серьёзенко».

– Давай, не ссы, будь поуверенней! Хр...

– Да, спасибо.

Три стука, открыл дверь, не стоя в проёме, зашёл и закрыл дверь за собой. Принял строевую стойку. Подбородок поднял, молодежавший взгляд включил. Что-что, а вести себя так, чтобы не раздражать начальника, в училище меня научили. В конце большого кабинета, за Т-образным столом сидел здоровый, широкоплечий лысый мужик, в одной ладони зажата ручка, а в другой разрешённый кнопочный телефон, по которому он отдавал сложные должностные инструкции:

– ДА! ХРЕН ЕМУ! БЫСТРО! ЗАЛУПА! НЕТ! Давай...

Он положил трубку и поднял на меня глаза. Я чётким строевым шагом, но ставя ногу мягко, так чтобы не стучать по паркету, подошёл к подполковнику.

– Прапорщик Шутилов для дальнейшего прохождения службы прибыл!

– Шутилов? Шутить любишь? – Он улыбнулся.

Этот «уникальный, неповторимый» прикол я слышал от каждого человека, с которым знакомился впервые, но в данный момент он был к месту, так как грубое лицо комбата стало как будто мягче.

– Шутить люблю, но только во внеслужебное время!

– Давай документы свои, посмотрим. Так, диплом с отличием... Умный, что ли?

– Скорее старательный.

– Тридцать девять прыжков... Ты где столько напрыгал? Или в Рязани сейчас такая программа?

– В тринадцать лет сделал первый с Ан-2, затем в кадетке ещё шесть, из них три с АН-28, потом в училище прыжков двадцать пять где-то за три курса. Из ИЛ-76 три раза, остальные с Ан-2 и Ми-8. Шесть за время стажировки во Псковской...

– Так, а это что за карточка? – он прервал меня, потому что на самом деле задавал вопрос ради вопроса, на ответ ему было насрать. Таких, как я, у него несколько сот человек.

– Это свидетельство подводного пловца, в программу подготовки у нас это не входило, но я накопил денег и прошёл курс самостоятельно.

– Сколько и какие осколки содержатся в МОН-50?

– Шарики или ролики 489/540, соответственно.

– Сколько полос на тельнике?

– У нормального солдата две: голубая и белая, у плохого три: голубая, белая и грязная.

Комбат совсем расплылся в улыбке.

– Сработаемся. В отделе кадров был?

– Нет ещё.

– А почему?!

– Я решил, лучше сначала к вам, чтоб куда попало не попасть!

– Это правильно, это предусмотрительно. Ладно. – Он встал. – Сейчас идёшь в отдел кадров! Служи как положено!

Он протянул руку. Я, не опуская глаз, крепко её пожал. Всё сейчас важно. Встречают по одежке...

К моменту, когда я прошёл к кабинету начальника кадров, там уже находились ещё двое моих сослуживцев из училища. Один из них не оканчивал факультет применения подразделений спецназа, но почему-то был здесь, хотя огромное количество тех, кто такую подготовку проходил вместе со мной, были направлены в части ПВО, в танковые и мотострелковые части. Почему? Не хочется начинать книгу с дискредитации вооружённых сил. Давайте так... Просто «так совпало», что он учился на «автомобилиста», а женат был на дочери уважаемого человека, и ввиду слияния этих двух удивительных обстоятельств, после торжественного распределения по воинским частям в направляемых документах появились изменения. У него и у того спецназовца, которого он подвинул. И человек, который три года учился на спецназёра, поехал заниматься важными для Родины делами, жаль, что не теми, которым обучался. Кстати, большую часть командиров бригады, в которую я попал, тоже составляли не выходцы из спецназа, это были военные строители, танкисты и прочие. Но если непрофилированность человека на низших должностях неоднократно перекрывалась личным мужеством, то на более высоких должностях этого не наблюдалось, ведь если человек строитель, то он в любой ситуации будет стремиться к вечным построениям, а не дерзновенным, продуманным решениям. Зачастую это не потому, что он плохой или тупой, а просто потому, что его другому учили. Ну вот пред-

ставьте: студентка, будущий педиатр, вдруг забеременела от сына «уважаемого» человека, и поэтому поехали молодожёны не в Мухоморск лечить детей, а в столицу оперировать взрослых. Вы бы хотели попасть в руки такого хирурга? Подобное сравнение кажется диким, но лишь до тех пор, пока ночью вблизи от противника этот «педиатр» фонарик не включит. Очень странно, что это никого наверху не беспокоит... хотя, быть может, они просто учились не на управленцев и кадровиков, а на барабанщиков. Да и, в общем-то, хрен с ним, с образованием, одна известная ЧВК вообще людей без дипломов берёт. Тут принцип простой: приходишь, учишься, справляешься – растёшь, не справляешься – до свидания, и никаких ложных карьерных «стимуляторов» в виде воинских званий. Да, и в ЧВК есть кумовство и тому подобное, но там, в отличие от Министерства, если ты облажаешься, не переведут в другую часть просто потому, что у тебя звёздочки, просто вышвырнут и занесут в стоп-лист. Да и у того «тягача», что подтянул долбоеба, тоже могут возникнуть проблемы.

Начальник кадров пригласил нас в свой кабинет, и мы выстроились в ряд по росту, как говорят в армии, «по ранжиру». Кстати, ещё одна армейская фишка – усложнять. Тратить время на выдумывание, описание инструкции к выдуманному и требование его неукоснительного исполнения в установленный срок, вместо того чтобы сделать что-нибудь действительно значимое. Так клоуны прячут свою некомпетентность за формулировками и смотрами всякой дряни. Полковники ходят и, рассматривая бирки, измеряют на них расстояние между стежками, разглядывают берцы с клоунскими носами и лопнувшими подошвами в поисках «неуставных», мнут в руках карточки, бумажечки, справочки, инструкции, проверяют расположение карандашей в командирских сумках и... блять... КОМАНДИРСКИХ СУМКАХ! Боже мой, покажите мне хотя бы одну фотографию с СВО, где командир группы спецназа ебашит по лесу с этой сумкой. НАШЛИ? Отлично, распечатайте в формате А3 и отправьте в ближайший штаб военного округа – они будут в восторге! Кто-то, возможно, даже повесит её у себя в кабинете, возможно, даже будет мастурбировать, представляя, что там, в сумке, карандаши разложены уставным порядком, стирательная резинка со слоником не тронута, а в кармашке лежат штатные военные конверты для писем в количестве десяти штук! Зачем эта сраная сумка вообще нужна? Чтобы клоун мог задать вопрос по своему уму.

Длинный начальник кадров с худым лицом и тонкими прямыми пальцами был противоположностью комбата. Он сразу произвёл впечатление офисного работника, был приторно вежлив, скорее даже наигранно официален и всем своим существом показывал, как мы обременяем его своим появлением.

– Так, господин Петров.

– Я! – ответил «автомобилист».

– Вы знаете, в какое подразделение назначены?

– Так точно!

– Хорошо... так... господин Иванов, – он обратился к моему соратнику по «специальной» учёбе, – вы идёте в тот же батальон, что и Петров. В курсе?

– Да.

– Не да, а так точно. Чему вас только в вашей Рязани учат?! Понятно... А вы, Шутников... – он исковеркал мою фамилию умышленно, думая, что он крутой выдумщик.

– Шутилов, – поправил я.

– Ах да, Шутилов. А вы почему-то назначены в другой батальон. И это определённо ошибка! Сейчас я всё решу. Все выйдите из кабинета!

Мы выполнили приказ, но я не стал уходить далеко и слышал обрывки фраз по телефону, так что смог догадаться об их содержании. Начальник кадров звонил моему новому командиру батальона.

– Здравия желаю... Знаете, к нам из РВВДКУ пришли прапорщики, один такой зелёный совсем, назначен к вам. Ну совсем никакой! А у меня есть отличная кандидатура, кстати! Так вот давайте мы с вами... но...

Предполагаю, комбат ответил следующее: я с бойцом поговорил, он нормальный парень, я его беру, твои ставленники мне не нужны. Только, вероятно, всё это он сказал матом – для краткости и лучшего понимания.

Выпучивший глазки, раскрасневшийся, злой кадр вышел из кабинета и велел двигаться всем троим за ним. Мы были представлены комбригу.

– Прапорщик Петров для прохождения службы прибыл!

– Товарищ прапорщик, сколько вам лет, вы женаты, дети есть?

– Да, товарищ полковник, мне тридцать пять лет, я женат, и у меня ребёнок!

– Когда вы привезёте их к нам в город?

– Они уже в пути!

– Отлично! Прекрасно!

Он сделал шаг вправо к следующему новоиспечённому подчинённому.

– Прапорщик Иванов для прохождения службы прибыл!

– Возраст, жена, дети есть?

– Двадцать пять лет, жена... гражданская, детей нет.

– Жену гражданскую взять в жены официальные, детей заделать, мне доложить! Срок исполнения девять месяцев. Вы меня поняли?

– Так точно!

Все слегка заулыбались.

– Ну а вы? – Полковник обратил свой взгляд на меня.

– Прапорщик Шутилов для дальнейшего прохождения службы прибыл! Жены и детей не имею, двадцать один год.

– Двадцать один год? В какой батальон он идёт? – Полковник нахмурился и посмотрел на кадровика.

– Он идёт в батальон к комбату Серьёзенко, тот сказал, что берёт его.

– Ну раз Серьёзенко сказал, значит, решено, а по поводу жены и детей, слышь, нам тут венерические болячки не нужны! Если через полгода ты не женишься и жену сюда не привезёшь, я тебя женю на поварихе. Понял?

– Понял, товарищ полковник!

– Свободны, пока что...

Знакомство

Я вошёл в помещение роты, в которую был назначен. Дневальный скомандовал:

– Дежурный по роте на выход!

Из комнаты досуга вышел худощавый сержант среднего роста, лет тридцати, сделал два вялых строевых шага и совсем не молодцевато приложил руку к виску, пробормотав заезженную фразу:

– Дежурный по роте сержант Сокольский.

– Я прибыл в роту для дальнейшего прохождения службы, мне нужно представиться командиру роты.

– Хорошо, пойдём.

Справа от входа разместились комната для хранения оружия, напротив на стене многочисленная документация в виде расписания занятий, боевых листков, фотогазеты, сатирического журнала, нарисованного цветными карандашами. Под всеми этими атрибутами, свидетельствующими, что подразделение очень боевое, стоял стол, накрытый выглаженной красной скатертью. На столе были размещены памятки, доклады, приказы, телеграммы инструктажи и журналы инструктажей, а также журнал учёта служебного времени, который неукоснительно заполнялся правильными значениями в неправильное время. Дальше по коридору вдоль стены располагались металлические шкафы для личных вещей. Не знаю почему, но наличие такой удобной вещи меня очень обрадовало! А как военнослужащих обрадовало то, что они закупали их на свои деньги... а то, что в них хранить, по сути, оказалось ничего нельзя... а то, что от них всегда должны были храниться ключи у старшины... а то, что регулярно проводились смотры этих шкафов... В общем, командиры любили радовать своих подчинённых и не отказывали им ни в чём, что касалось околовоеенных дел.

Дверь в канцелярию комроты была отворена. Перед глазами открылась картина, подтверждающая, что должность командира роты является самой напряжённой в войсках. Помещение было шириной четыре и длиной восемь метров. На этом небольшом пространстве было организовано три рабочих места. У левой стены – два шкафа с документами и стол, за которым сидел «хакер». «Хакер» – это такой солдат, который обеспечивает спрос на продукцию деревообрабатывающей промышленности. Бобры бы поперхнулись опилками, если бы узнали сколько деревьев в год стачивают «хакеры» в своих принтерах. При этом «хакер» всегда состоит в штате одной из групп спецназа, но никогда там не появляется, потому как полностью погружается в мир бюрократии, и достать его оттуда может только окончание контракта или самоубийство. К слову, это первые потери, которые несёт и так небольшая по численности группа, даже не покинув пункта постоянной дислокации. Старшие начальники прекрасно знают, что в каждом подразделении такой боец есть, но никто не вводит дополнительного сотрудника в штат. Скорее всего, приказ о введении «хакеров» в роты уже лежит где-то на столах штабов, просто никак не хватает времени его подписать. Все должностные лица просто проверяют порядок размещения карандашей в сумках и информативность слайдов, поэтому: «Все полковники в данный момент заняты, пожалуйста, подождите...»

У правой стены – ещё один шкаф и стол для работы заместителя командира роты, переделывающего личные карточки военнослужащих. Старшие начальники без конца проверяли эти «важнейшие документы», потому что искренне верили, что без карточки командиры групп спецназа никак не смогут разобраться, как зовут их солдат, сколько им лет и в чём заключаются их недостатки и успехи в боевой и политической подготовке!

У стены, противоположной входу, лицом к двери, за столом сидел капитан – командир роты. По морщинкам, покрывавшим мешки под его глазами, можно было сосчитать, сколько дней он уже жил на работе. Он был усталым, но собранным. Вокруг него лежали журналы бое-

вой подготовки, рапорты, объяснительные, со стола свисал ватман с расписанием занятий, на зарядке стоял фотоаппарат для фотоотчётов. Перед столом ротного стоял старшина, который ждал момента, чтобы договориться с командиром о том, какое количество личного состава можно будет освободить от укладки парашютов и направить на стрижку газона, наведение порядка в помещениях расположения и классах, подметание территории, подготовку материальной базы, упорядочивание вещей на показном складе и припрятывание их на тайном – в общем, на подобные околовоеенные мероприятия, ежедневно отнимающие 90 процентов времени и 50 процентов солдат.

Кто-то, прочитав это, скажет, что, несмотря на все козни, нужно заниматься с оставшейся половиной группы, и будет прав. Однако качество такого обучения оставляет желать лучшего. Попробуйте провести занятие по движению в боевом порядке группы, когда у вас нет половины людей. Приходится говорить: «ну ты представь, что пулемётчик здесь есть»; «представь, что снайпер убит» и прочие вводные, и вот уже занятие превращается в сплошную фантазию... Да, можно проштудировать теорию, хотя подождите, в плане указано «Тактико-специальная подготовка», значит, ни о какой теории не может быть и речи! Ну ладно, представим, что мы хулиганы, нарушаем план занятий и проводим их исходя из обстоятельств. Да, тогда рискуя схлопотать выговор от клоуна, мы можем пойти в класс и изучать теорию, но прежде нам нужно сделать фотоотчет по тактико-специальной подготовке, ведь она в плане! Для этого мы экипируемся, получаем оружие из комнаты хранения, выходим в район проведения занятий и стоим в разных спецназовских стойках. Семеро солдат фотографирует восьмой, и это дело нужно сфоткать так, чтобы казалось, что вся группа на месте. Потом просматриваем фото, чтобы у всех были балаклавы и всё было красиво. Потеряв таким образом час времени и уважение подчинённых, всё сдаем и идём на свой страх и риск на оставшийся час заниматься теорией. Всё объясняем и обсуждаем, разбираемся. А через пару дней всё повторяется, и некоторые слушают один и тот же материал по несколько раз, а некоторые не слышали его никогда. Знаете, есть понятие «выгорание», когда командир старается, старается, а потом видит, что его усилия и ругань с начальниками за несколько недель привели к минимальному результату или вообще ни к чему, и потом он становится частью системы или уходит. Просто «фоткает», потому что бороться с этим нет сил, ссориться тоже не хочется... карьера же.

Сам командир роты разговаривал по телефону с начальником воздушно-десантной службы. Он просил открыть склад с парашютами на полчаса раньше окончания обеда, чтобы солдаты, те, что остались, могли к моменту прихода проверяющих подготовить парашюты к первому этапу укладки, дабы уйти домой ну хотя бы на два часа позже положенного по журналу учёта служебного времени. Пока я ожидал комроты и старшину, успел заметить, что «хакер» печатал очередные книжки действий по тревоге, которые должны были быть у каждого солдата в кармане на левом рукаве. Страшно было предположить, что может произойти, если боец окажется в «тревожной»¹ ситуации, а эта книжка вдруг размокнет или пропадёт... скорее всего, боец растеряется, встанет в полный рост, не сумев даже принять нормальную строевую стойку, и в конце концов будет поражен противником, бережно хранящим свою книжку.

Наконец на долю секунды капитан оказался свободен и обратил внимание на меня. Я, в своей парадной одежде, немедленно сделал в этом душном, узком, бурлящем работой помещении три строевых шага к столу и отрапортовал:

– Прапорщик Шутилов для дальнейшего прохождения службы прибыл!

Командир роты откинулся в кресле и заулыбался. Я чувствовал почему. Во всей этой рабочей машине я со своей строевой и парадкой выглядел как гей, оказавшийся под землёй на глубине шестисот метров в окружении шахтёров.

¹ Отсылка к карточке действий по тревоге.

– Вижу, что прибыл. Да вольно, вольно. Паша, пригласи Грубовского, – он обратился к Сокольскому, дежурному, который ждал указаний возле открытой двери.

– Есть!

– Тебя как зовут?

– Максим.

– Ну вот смотри, Максим... Да ты садись! Сейчас придёт старший сержант Грубовский. Он до тебя два года был заместителем командира четвёртой группы. Прапорщика не успел получить. Ты его сместил. Он тебя введёт в курс дела, познакомит с группой и так далее, командир группы сейчас в командировке в Сирии.

Может, мне казалось, а может быть, капитан специально делал акценты на словах «два года был» и «ты его сместил», но суть заключалась в том, что я уже понимал: меня тут не ждали. Кто-то уже заочно даже ненавидел меня.

– Принял!

– Командир, звали?

В проёме стоял старший сержант Грубовский, немного сгорбленный, с басистым голосом, в тельнике без рукавов, позволявшем рассмотреть множественные татуировки. Я обнаружил, что у сержанта не хватало нескольких зубов, какие-то были металлическими. Он напомнил мне «пасть порву, моргалы выколю». Лет ему на вид было тридцать пять.

– Вань, смотри, это ваш новый замок, пришёл на твоё место. Ему нужно всё объяснить, показать, ввести в курс дела.

– Принял, пройдемте, товарищ прапорщик...

По пути в Ленинскую комнату я начал вспоминать, как драться, потому что мне казалось это неизбежным. Мы прошли и встали возле стола со стульями, у доски. Он смотрел мне прямо в глаза пару секунд, затем внезапно начал говорить:

– Короче, группа у нас топовая! Манией величия не болеем, никому ничего не доказываем, но и в носу не ковыряем. Мы были на всех учениях, парни почти все имеют по две Сирии, брали Крым, часть людей участвовала в работе в соседней стране. Средний возраст в группе тридцать лет. Доставай блокнот, распишем всех парней, я тебе расскажу, кто и что. Так вот, начнем... например, со снайпера. Вован, он у нас звёздочка! Лучший не только в роте, но и в военном округе, со своей СВД спецов с манлихерами на соревнованиях выигрывал. Сейчас всех запишем, соберём всех и тебя представим. У нас сегодня укладка парашютов, ознакомишься с навыками нашими на практике, может, сам чего подскажешь, ты же «рязанец»?

Я был ошеломлён! Мне двадцать один год, а под моё руководство встают тридцатилетние парни, у которых один день жизни более насыщенный, чем вся жизнь среднестатистического человека. Как я могу стать для таких людей авторитетом? Кроме того, я пришёл и подвинул достойного, заслужившего своё место контрабаса. Да, я не выбирал, куда попадать, но он всё равно должен был злиться на меня хотя бы подсознательно. Может, так оно и было. Но он этого не показывал, а искренне мне помогал и даже учил. Скажу наперёд, что впоследствии он уволился по причине того, что из-за таких как я ему не нашли места для роста. А сегодня таких парней нам очень не хватает...

– Да, я «рязанец», да, есть блокнот, давай запишем.

– Смотри, наш командир сейчас в Сирии, он улетел авианаводчиком. Бомбит боевиков. Так бывает постоянно. Командиров вечно нет, они приходят и уходят, либо они в командировках, либо ушли на повышение. Рулим процессом мы, замки и комоды. Паша Сокольский, дежурный по роте, командир второго отделения, служит уже лет пятьсот. Старый контрабас, можешь быть в нём уверен. Я теперь, соответственно, комод первого отделения. На тумбочке дневального стоит Гера, он старший сапёр, шарит по минам и всё такое, греко-римский борец. Крепкий парень. Всегда первый в головном дозоре идёт. Быстрый и внимательный.

– Гроб! Чё, обед сегодня будет, не?

В дверях стоял боец среднего роста с грубым взглядом и крепким телосложением.

– А чё, пора уже? Егор, ну давай строй группу, щас договорю с новым заместителем, и отправим вас на обед!

– Понял.

– Это Бураткин. Он старший разведчик. Неформальный лидер, у тебя могут быть проблемы, если не найдёшь с ним контакт. А так он один из лучших стрелков в роте. Жеёсткий. Знает там АГСы, «Корды». Он обычно в тыльнике старший. По остальным давай потом. Пообедаем и познакомишься уже лично со всеми в классе.

– Договорились!

Четыре месяца без боевых действий

Холодная точка

Флешбэк первого дня в бригаде я поймал, находясь в бункере, на базе частной военной компании в Африке. Сюда я прибыл месяц назад, после того как по окончании контракта уволился из вооруженных сил. Я покинул территорию Украины в мае 2022 года, в большей мере испугавшись решений своих командиров, а не действий противника. В мае мы занимали огромную площадь Харьковской области, активно наступали, но людей становилось всё меньше, а задач всё больше. Отдыхать нам просто не давали и гнали. Я не видел другого способа получить отдых, кроме как уйти по окончании контракта, втайне надеясь когда-то вернуться. Так я и сделал. Проведя июнь и июль дома, я наконец-то познакомился с двухлетней дочерью. До Украины был Таджикистан, перед ним учения в России, а до них Сирия. Во всей двухлетней жизни моей дочери я пребывал не больше четырёх месяцев. Нужно ли говорить, что многие семьи пошли трещинами от такой круговерти? Дочь через два месяца моего нахождения дома даже назвала меня папой, но на руки не давалась и выгоняла с кровати спать отдельно от них с мамой.

Я чувствовал, что обязан продолжить работу на военном поприще, но не знал, как теперь вернуться обратно в бригаду, да и стоит ли? Решение безумное, мобилизацию не объявляют и группы совсем обмелели, дух упал, наступление захлебнулось. Есть только одно подразделение, которое продолжает наступать несмотря ни на что... И вот в августе я прибыл на известный раньше только в узких кругах хутор. Меня спросили, есть ли у меня заграничный паспорт, я сказал есть, и мне предложили поехать в Африку. Когда СВО началась, многих из ЧВК выдернули на Украину и менять оставшихся в Африке парней и набирать новых было некогда, поэтому сейчас нужно было приличное количество людей на «Дальнее». Я подумал: почему бы и нет? Украина, судя по всему, теперь дело не одного года, а посмотреть новый континент очень даже интересно. И вот я оказался в «холодной» точке. Сегодня был один из тех дней, когда её нынешний холод обогревался боевым событием.

Стены бункера состояли из взгроможденных один на другой габионов, сверху, почти касаясь шлема, прогибались огромные швеллера, которые, казалось, не сегодня завтра лопнут от того количества песка, которое находилось над ними, в таких же тканевых кубках, как и в стенах. Зашедшие следом за мной закрыли дверь и включили в помещении свет. Светомаскировка очень важна, ведь если квадрокоптер, груженный 82-мм минами, идёт под управлением оператора, ночью, в лишённой естественных ориентиров пустыне, он увидит свет и легко засечёт наше расположение. И тут дело не в том, что бункер нас не защитит, а в том, что коптер раскидает мины вокруг и могут пострадать те, кто ещё не попал в бункер, а также машины, помещения и аппаратура.

У меня потеют и холодеют ладони и трясётся нога. Я боюсь, что кто-то узнает об этом, поэтому, чтобы не пожимать входящим руки, я делаю вид, что настраиваю свою радиостанцию. Перебираю туда-сюда клавиши в меню автомобильной Моторолы, размещённой в рюкзаке, а голос в голове повторяет: «это ж-ж-ж неспроста...» Бывалые наёмники не беспокоятся, как я, они поспешно рассаживаются на ящиках из-под оружия и, веселясь, обсуждают, что натворили взрывы, произошедшие сейчас в километре от нас. С того момента, как я покинул «ближнее зарубежье», прошло четыре месяца, но я нервничаю, как только слышу или даже представляю звук квада. Неужели так теперь будет всегда? В какой момент я надломился? Ведь я никогда не был трусом! Смелчаком, правда, тоже никогда не был, но всё-таки я парашютист и в спарринг со своими солдатами встать никогда не отказывался. Хотя, конечно, тем тупым желез-

ным кувалдам, которые прилетают сверху после пролёта квадрокоптера, не объяснишь, что ты мастер спорта по спорту.

В первый раз, когда такой обстрел мне довелось видеть, я оказался в его эпицентре, вместе со своей группой...

Зайчик

Крепкий сон прервал голос Геры, моего разведчика-сапёра.

– Макс, погнажи, сказали выгружаемся здесь!

Мы уже почти две недели спали по четыре часа в сутки и только сидя. Но чтобы проснуться и покинуть «Тигр», мне хватило нескольких секунд. На улице наступило 3 марта 2022 года. Впечатлений было хоть отбавляй, и мы были веселы и торопились. Мы боялись, что Киев возьмут без нас...

Меня не разбудил шум скопления техники. Инженеры матерились и готовили понтоны, которые гремели, как огромные пустые бочки с гайками. Хотя тем они, по сути, и являлись.

– М-да... вот это скрытное проникновение в тыл противника.

Комбриг, заместитель командира отряда, наш новый командир роты, все были тут и все торопили нас быстрее выйти к берегу. Наша рота специального назначения заслушивала боевой приказ от начальника разведки округа.

– Бойцы, на катере вас переправят на тот берег реки, и вы быстро выдвинетесь в ближайший населенный пункт. Там противника нет, ваша задача закрепиться и обеспечить тем самым плацдарм нашим войскам. Чернигов блокирован! Наша задача обойти его с запада, форсировать реку и мчаться к Киеву! Противотанковые средства у вас есть, так что нормально!

То, что ближайший крупный гарнизон блокирован и «противника нет», радовало, однако фраза про наличие противотанковых средств и «нормально» шла немного в разрез первому. Но это не привело меня в замешательство, просто было весело! Возможно, всему виной то, что мне всего двадцать пять, у меня нет реального боевого опыта (Сирия не в счёт), и я не вполне осознаю всю серьёзность мероприятия. Понтоны, река, катер, тыл противника. На том берегу ещё никого нет, мы первые, мы впереди всех! Мы на острие ИСТОРИИ! В животе было холодно, но не от голода или страха. Это был трепет! Апогей гордости за моё подразделение, мою страну. Высшая точка наслаждения – и думайте что угодно! Я был восхищён! Я чувствовал, как много во мне энергии!

За спиной малый рюкзак из ратника, в нем куча БК и жратвы, по бокам вода, а сверху РПГ-30. Шлем, плитник, варбелт, АК с подствольным гранатомётом, тринадцать магазинов, две гранаты – одна Ф-1 и одна РГД, десять ВОГов в подсумках и один ВОГ в стволе гранатомета – всё как положено. Катер возил группами, и всю роту с ещё одной приданной группой и расчётом наблюдателей с комплексом «Ирония» перевёз на другой берег минут за двадцать. Моя группа четвёртая, а сам я, заместитель командира этой группы, старший в головном дозоре. Забегая по узенькому трапу на лодку, я подумал, что если упаду в воду, то достать меня смогут только краном, ведь навешано столько, что ни один быстросброс не поможет. Лодка сделала резкий разворот и плавно, но стремительно набрала скорость.

– Спешл форсес! Просто как в кино! – Я не мог сдержать эмоций, улыбался во весь рот и выкидывал подобные фразы.

За двадцать метров до берега водитель сбросил скорость, и двигатель почти замолк, а лодка по инерции продолжила своё движение. Когда она коснулась носом земли, командир судна снова дал газ, чтобы её не оттащило обратно. Этот рёв и брызги как бы дополнительно подбадривали нас, говоря «пошёл, пошёл, пошёл!», и мы забежали на более крутой берег, не замечая ноши. Я занял свое место. Вся рота расположилась и заняла круговую оборону, стоя на одном колене или сидя. Это выглядело очень «по-спецназовски». Я даже подумал, что это стоило бы сфотографировать, чтобы потом по тактико-специальной подготовке не делать фотоотчёт. После того как крайний человек из тылового дозора моей группы сошёл на вражеский берег, мы могли начать движение.

Обычно на любых учениях, а их у нас было много, мы действовали в составе групп или отделений. Любому человеку, даже далёкому от военного дела, понятно, почему выбрана такая тактика: меньше людей – меньше палева.

Роты или целые отряды, то есть несколько рот, тоже могут действовать совместно, но даже тогда они двигаются в составе групп. Каждая прочёсывает свой сектор, при этом если группа встретит противника, другая сможет поддержать товарищей или атаковать врага во фланг.

Движение в колонне по одному таким огромным коллективом применяется крайне редко, чаще всего в горах или там, где местность гарантированно заминирована. Там, где по-другому просто не пройти. В таких случаях при встрече с противником с фронта действовать будет гораздо сложнее, кроме того, такая длинная колбаса занимает колоссальное пространство. К примеру, группа в длину занимает метров пятьдесят. Между группами метров тридцать. Четыре группы в роте, да ещё промежутки между ними – итого метров триста – триста пятьдесят. А теперь представьте, что к роте придан расчёт с комплексом «Ирония» и ещё одна группа. Выйдет метров четыреста, а то и все пятьсот. Очень тяжело найти у берега такие места, где можно одновременно гарантированно укрыть такой протяжённый «объект» с земли и с воздуха, да ещё и двигаться всей массой в каком-то одном направлении. Я уж не говорю о том, что подобным способом разведанной становится лишь узкая полоса, и выходит, что это мало похоже на разведку вражеского берега.

Так к чему я загрузил вас этими тактическими, но, в общем-то, примитивными особенностями? При всей этой неудачной конфигурации движения в колонне по одному наш новый комроты избрал именно такую «тактику»! Предыдущий командир, в чьё предводительство я пришёл в роту, задолбался терпеть чинённые ему препятствия и бюрократические унижения, перестал таранить лбом эту непробиваемую стену системы в надежде сделать настоящее подразделение, сдался и ушёл в Случайно Созданный Отряд (ССО) на должность командира автомата. Туда же ушёл один из командиров групп и старшина роты. На роли ССО можно остановиться подробнее, ведь его появление тоже внесло свою лепту в тот бардак, в котором мы пребываем на момент начала СВО. Эта структура прекрасно выполняла свои задачи в Сирии и других государствах, потому что полна хороших профессиональных военных. Но откуда они взялись? Данная структура высосала элиту, «соль земли» из всех вооружённых сил. Она не производила новых специалистов, она их реквизировала и оставляла армию с пустыми карманами. Кто остался учить, руководить? Остались рулить нами системные безынициативные офицеры, ждуны пенсий и квартир, потакатели бардака, либо единицы ещё сражающихся с системой офицеров, в том числе лейтенантов, которые ничего не могли сделать, были унижены и заткнуты властью имеющими клоунами. Молодые лейтенанты, кстати, показывали себя с наилучшей стороны, но не без последствий, ибо «не вливают молодого вина в мехи ветхие, потому что прорвутся мехи и испортится и то и другое».

Так почему же наш новый командир роты избрал колонну по одному? Неужели офицер, который прошёл путь от простого бойца, затем командира группы, заместителя командира роты, участвовал в боевых действиях и учениях со своими солдатами, не понял бы всю ущербность хождения в затылок впереди идущему таким громадным коллективом? Конечно, понял бы. Но наш новый ротный не был ни простым разведчиком, ни командиром группы. Не был с нами в Сирии, не ходил он и в Таджикистане с нами по горам. Но первое, что он сделал, придя из штаба бригады – создал группу в ватсапе, куда скидывал ссылки на тактические побрякушки. Зачем вообще штабному становиться ротным, спросите вы? Всё просто. Он был капитаном, а хотел быть майором. Решение простое – лижешь кому надо очко, на полгода-год встаёшь на должность командира роты, и вот уже у пупсика большие звёздочки. Система! Что сказать?!

У самого командира был автомат с фонариком и сошками. Наверное, чтобы устойчиво подсвечивать цели на предельных дальностях. Он очень тактически оперировал на стрельбах, жаль только, что мало попадал.

Кстати, стрельбы в спецподразделении заслуживают отдельного внимания! Занятия по огневой подготовке в вооруженных силах проводятся на основании наставлений. В этих наставлениях описаны упражнения и количество патронов, предназначенных для их выполнения. Есть такие упражнения, в которых на автомат даётся двенадцать патронов и меньше. Да, важно не сколько, а как – с этим не поспоришь! Но вот о чём поспорить можно, так это почему для бойцов спецназа эти патроны буквально добывались, а для спонсоров они были всегда? Стоп! Какие спонсоры, спросите вы? Рассказываю, ещё до СВО существовали «волонтёры», которые имели связи были очень преданы бригаде. Это такие богатые дяди, которые для чествования собственного эго играют в сафари на военных полигонах и возят туда своих детей, баб, корешей, перед которыми хотят выебнуться, и командование им это позволяет (не за один лишь преданный взгляд, естественно). Им вдоволь дают настреляться из всех видов оружия, зачастую даже из тех, из которых нам, «спэшелам», стрелять не давали, объясняя это отсутствием лимитов на специальные патроны. Взамен «уважаемые люди» оплачивали какие-то хотелки командования. К слову, наш комбриг ездил на «лексусе», а тем временем никто из нас в руках квадрокоптера не держал. Никому из нас не дали ни одного сраного турникета, ни одного напашника или носилок, мы закупали всё: шмотки, медицину, апгрейды САМИ. А перед смотрами приезжих комиссий нам настоятельно рекомендовали прятать всё это и брать уставное, либо, наоборот, требовали достать всё, что у нас есть, и отвечать на вопросы начальников, мол, это нам выдавали. Перед СВО мы скидывались на **ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ БРОНИРОВАНИЕ** для броневедомств «Тигр». Даже бумагу для печати сраной документации мы оплачивали из своего кармана. Кстати, каждый документ о выдаче патронов для выполнения упражнений нужно было оформить в пяти экземплярах. Чтобы солдат при стрельбе мог использовать не двенадцать патронов, а весь магазин или даже два. Подразделению спецназа, которое должно лазить в тылу, вблизи вражеских позиций, имея высокую вероятность войти с врагом из-за этой близости в стрелковый бой, зажимали патроны. Одной рукой экономили, а другой давали спонсорам. БЛЯДИ! Я уже дискредитатор? Заработал на статью? Я должен уже вещи в тюрьму собирать? Суки! Пидоры! Хотя обычно с такими, как я, поступают проще – отправляют на невыполнимое задание. Круто, правда? Ну вот неудобен тебе кто-то, ты ему просто приказываешь идти умереть, и всё, он не может отказаться – ведь приказ! Легализованное убийство.

Зато наш новый командир роты был первым, у кого в роте появился безухий шлем со складными активными наушниками, они здорово раскладывались и в стороны, и на затылок. Ну прям как зайка! Он не упускал случая это продемонстрировать! Если я уже произвёл впечатление обиженного человека, несправедливо относящегося к достойному **карьеристу**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.